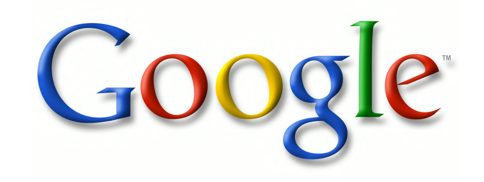
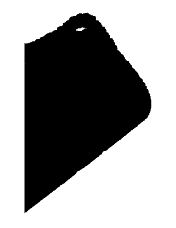

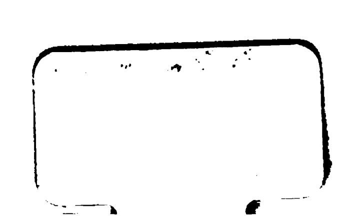

MESHCHANINOV

IZ'ISTORII RUSSKOI TIUR'MY

1905

Изъ журнала „ТЮРЕМНЫЙ ВѢСТНИКЪ“ за 1905 г.

Изъ исторіи Русской тюрьмы.

Лекція, прочитанная 29 Марта 1905 г.

сенаторомъ

И. В. МѢЩАНИНОВЫМЪ

посѣтителямъ С.-Петербургскаго комитета для оказанія содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія (Маякъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія С.-Петербургской Тюрьмы.
1905.

Изъ исторіи Русской тюрьмы.

Лекція, прочитанная 29 марта 1905 г. сенаторомъ И. В. Мѣщаниновымъ посѣтителямъ С.-Петербургскаго комитета для оказанія содѣйствія молодымъ людямъ въ достиженіи нравственнаго и физическаго развитія (Маякъ).

I.

Въ прошломъ Февралѣ мѣсяцѣ многіе изъ васъ посѣтили С.-Петербургскую одиночную тюрьму. Вамъ, конечно, показали кельи, въ которыхъ содержатся арестанты, ихъ обстановку; показали, какъ работаютъ заключенные, чѣмъ занятъ ихъ день, чѣмъ и когда ихъ кормятъ, наконецъ, какимъ образомъ стараются на нихъ воздѣйствовать.

Я потому съ увѣренностью говорю, что Вы все это видѣли, что мнѣ извѣстно, что осмотромъ тюрьмы руководилъ бывшій ея начальникъ В. А. Чунихинъ, много послужившій тюремному дѣлу, посвятившій ему лучшіе годы своей жизни и глубоко въ этомъ дѣлѣ свѣдущій; его неусыпнымъ трудамъ обязана эта лучшая у насъ тюрьма настоящимъ своимъ состояніемъ и отличною постановкою работъ.

По поводу этого посѣщенія вами тюрьмы, я и хочу побесѣдовать съ вами, какъ относительно той тюрьмы, которую Вы видѣли, такъ и относительно задачъ тюремнаго заключенія вообще, и посмотрѣть, что такое представляла собою тюрьма въ доброе старое время.

Здѣсь нужно оговориться. Я буду говорить о тюрьмѣ, какъ мѣстѣ отбыванія наказанія. Есть другой видъ тюремнаго заключенія — мѣра пресѣченія. Ея мы не коснемся. Тюрьма, которую вы видѣли, есть срочная, предназначенная исключительно для отбытія наказанія, наложеннаго по судебному приговору.

С.-Петербургская одиночная тюрьма, по возможности, соотвѣтствуетъ послѣднимъ требованіямъ тюремной науки и приспособлена къ достиженію цѣли тюремнаго заключенія. *Цѣль эта — нравственное перерожденіе преступнаго человѣка, его исправленіе.* Неисправимыхъ людей нѣтъ и быть не должно, а если они, тѣмъ не менѣе, существуютъ, то это значитъ, что мы не умѣемъ ихъ исправить. Во всякомъ человѣкѣ есть искра Божія, только она лежитъ иногда подъ большимъ слоемъ грубаго пепла; разгребите его, обнаружьте эту искру, умѣло раздуйте ее — и она загорится чистымъ бѣлымъ свѣтомъ, и изъ человѣка-звѣря станетъ предъ вами человѣкъ — подобіе Божіе.

Это перерожденіе преступника достигается его воспитаніемъ и обученіемъ на началахъ разобщенія и принудительнаго труда, въ тѣсной связи съ религіозно-нравственнымъ обученіемъ.

Отсюда—главнѣйшія средства исправленія:

I. *Одиночное заключеніе*, т. е. полное разобщеніе преступника отъ другихъ, совмѣстно съ нимъ содержащихся; оно имѣетъ свои выгодныя и невыгодныя стороны.

Выгоды одиночнаго заключенія: 1) возможность изучить характеръ и наклонности арестанта: 2) возможность воздѣйствовать на духовную его сторону словами утѣшенія, совѣта и наставленія; 3) полное устраненіе дурного вліянія на него товарищей по заключенію; 4) большее обезпеченіе противъ побѣговъ изъ тюрьмы, стачекъ и тюремныхъ бунтовъ.

Дурныя его стороны: 1) оно очень тяжело для человѣка, особенно на первыхъ порахъ; 2) оно неравномѣрно: оно легче переносится развитымъ человѣкомъ, привыкшимъ сидѣть въ кабинетѣ съ книгою, и тяжело для простолюдина, а въ особенности для русскаго, привыкшаго жить на міру; 3) будучи продолжительнымъ, оно убиваетъ въ человѣкѣ энергію, дѣлаетъ его апатичнымъ; камера кажется ему каменнымъ гробомъ, въ которомъ его заживо похоронили, и по освобожденіи такой узникъ, по образному выраженію одного криминалиста, напоминаетъ птицу, долго сидѣвшую въ клѣткѣ и выпущенную на волю.

Вотъ почему и нашъ законъ считается съ этою стороною одиночнаго заключенія. По закону, оно не должно быть болѣе $1^{1}/_{2}$ лѣтъ, причемъ въ теченіе перваго года каждые 3 дня одиночки считаются за 4 дня заключенія, а на второмъ году—каждые 2 дня за 3.

II. *Обязательная работа*, но работа осмысленная, продуктивная. Было время, и сравнительно недавно (въ Англіи, по акту 1856 г.), когда въ тюрьмахъ были устроены работы: перетаскиваніе тяжелыхъ пушечныхъ ядеръ изъ одной кучи въ другую; ступательная лѣстница т. е. большое, въ родѣ того, что бываетъ на водяныхъ мельницахъ, колесо, со ступеньками на немъ, причемъ, ступая со ступеньки на ступеньку, человѣкъ вращаетъ эти колеса. Такая работа безцѣльна, безполезна и даже вредна, ибо развиваетъ въ арестантѣ не любовь къ работѣ, а отвращеніе къ ней.

Вотъ что говоритъ о такого рода безсмысленной работѣ Ѳ. М. Достоевскій, пробывшій, какъ извѣстно, 4 года на каторгѣ (Январь 1850—Февраль 1854 г.г.):

„Мнѣ пришло разъ на мысль, что если-бы захотѣли вполнѣ раздавить, уничтожить человѣка, наказать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся-бы отъ этого наказанія и пугался его заранѣе, то стоило-бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей безполезности и безсмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безъинтересна и скучна для

каторжнаго, то сама въ себѣ, какъ работа, она разумна: арестантъ дѣлаетъ кирпичъ, копаетъ землю, штукатуритъ, строитъ; въ работѣ этой есть смыслъ и цѣль. Каторжный работникъ иногда даже увлекается ею, хочетъ сработать ее ловче, спорѣе, лучше. Но если-бъ заставить его, напримѣръ, переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другаго въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое и обратно—я думаю, арестантъ удавился-бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ-бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да выйдти изъ такого униженія, стыда и муки. Разумѣется, такое наказаніе обратилось бы въ пытку, въ мщеніе, и было-бы безсмысленно, потому что не достигало-бы никакой разумной цѣли".

По современнымъ требованіямъ, работа должна быть производительна. Она должна: 1) создать въ арестантѣ привычку къ честному и систематическому труду; 2) дать ему практическія знанія, которыя онъ, по выходѣ на свободу, могъ бы приложить къ дѣлу, т. е. обучить его какому либо ремеслу, которое дало бы ему возможность честно зарабатывать хлѣбъ.

Отсюда—работа должна быть поставлена такъ, чтобы она интересовала арестанта, какъ самою работою, такъ и ея результатами. Это должно быть непремѣнно какое либо практически приложимое занятіе.

Нынѣ, и въ нашихъ тюрьмахъ, повсюду заведены работы, которыми арестанты заняты обязательно. Праздности нѣтъ мѣста въ тюрьмѣ. Посему въ нашихъ тюрьмахъ заводятся мастерскія: кузнечныя, токарныя, слесарныя, столярныя, ткацкія, переплетныя; существуютъ тюремные кирпичные заводы, добываніе и разработка торфа; существуютъ тюрьмы, арестанты которыхъ отправляются на сельскія полевыя работы (Тульская губ., за 1901 г.). По роду работъ—однѣ работы (токарная, ткацкая, столярная) могутъ быть и въ одиночныхъ камерахъ, другія—только въ общихъ. Въ видѣ примѣра работъ послѣдняго типа можно указать типографію одиночной тюрьмы, которую вы видѣли. Такую работу въ одиночныхъ камерахъ, конечно, производить нѣтъ возможности.

Работа арестанта должна быть оплачиваема; посему и у насъ оплачиваются не только работы въ тюремныхъ мастерскихъ, но и работы на нужды тюрьмы (хлѣбопеки, кашевары, уборщики и т. п.). Обыкновенно принимается 75% стоимости рабочаго дня свободнаго рабочаго. По нашимъ законамъ, изъ заработной платы въ пользу арестанта поступаетъ $^4/_{10}$, а $^6/_{10}$—въ пользу тюрьмы. Эта послѣдняя часть употребляется на вознагражденіе арестантовъ за работы на нужды тюрьмы, по ея хозяйству, на ремонтъ и покупку инструментовъ, а остатокъ поступаетъ въ Казначейство, гдѣ образуетъ особый капиталъ, предназначенный исключительно на развитіе работъ.

Польза такого порядка веденія дѣла очевидна: 1) арестантъ

пріучается къ систематическому труду; 2) изучаетъ какое либо ремесло и 3) выходитъ на свободу съ небольшимъ запасомъ денегъ, необходимыхъ на первыхъ дняхъ свободной жизни.

И арестанты дорожатъ работою. Есть у насъ тюрьмы, гдѣ лишеніе права заниматься работою употребляется какъ одно изъ тяжелыхъ наказаній.

И такъ, два первыя условія современной тюрьмы—одиночное заключеніе и обязательный трудъ.

Вотъ что говоритъ Достоевскій объ общемъ заключеніи и о работѣ:

„Впослѣдствіи я понялъ, что кромѣ лишенія свободы, кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть еще одна мука, чуть-ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это—вынужденное общее сожительство. Общее сожительство, конечно, есть и въ другихъ мѣстахъ, но въ острогъ-то приходятъ такіе люди, что не всякому хотѣлось-бы сживаться съ ними, и я увѣренъ, что всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя, конечно, большею частью безсознательно...

„Я чувствовалъ, что работа можетъ спасти меня, укрѣпить мое здоровье, тѣло. Постоянное душевное безпокойство, нервическое раздраженіе, спертый воздухъ казармы могли-бы разрушить меня совершенно. Чаще быть на воздухѣ, каждый день уставать, пріучаться носить тяжести—и, по крайней мѣрѣ, я спасу себя,—думалъ я,—укрѣплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, не старый. Я не ошибся: работа и движеніе были мнѣ очень полезны. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой. Нѣтъ,—думалъ я, на него глядя: я хочу жить и буду жить. Зато и доставалось-же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго они язвили меня презрѣніемъ и насмѣшками. Но я не смотрѣлъ ни на кого и бодро отправлялся куда нибудь, напримѣръ, хоть обжигать и толочь алебастръ,—одна изъ первыхъ работъ, мною узнанныхъ. Это была работа легкая.

„Другая работа, на которую я посылался,—въ мастерской вертѣть точильное колесо. Колесо было большое, тяжелое. Требовалось не малыхъ усилій вертѣть его, особенно когда токарь (изъ инженерныхъ мастеровыхъ) точилъ что нибудь въ родѣ лѣстничной балясины, или ножки отъ большого стола, для казенной мебели какому нибудь чиновнику, на что̀ требовалось чуть не бревно. Одному въ такомъ случаѣ было вертѣть не подъ силу и обыкновенно посылали двоихъ,—меня и еще одного изъ дворянъ, Б. Такъ эта работа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и оставалась за нами, если только приходилось что нибудь точить. Б. былъ слабосильный, тщедушный человѣкъ, еще молодой, страдавшій грудью. Онъ прибылъ въ острогъ съ годъ передо мною, вмѣстѣ съ двумя другими изъ своихъ товарищей,—однимъ старикомъ, все время острожной жизни денно и нощно молившимся Богу (за что̀

очень уважали его арестанты) и умершимъ при мнѣ, и съ другимъ, еще очень молодымъ человѣкомъ, свѣжимъ, румянымъ, сильнымъ, смѣлымъ, который дорогою несъ уставшаго съ полъ-этапа Б., что продолжалось семьсотъ верстъ сряду. Нужно было видѣть ихъ дружбу между собою. Б. былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, благородный, съ характеромъ великодушнымъ, но испорченнымъ и раздраженнымъ болѣзнью. Съ колесомъ справлялись мы вмѣстѣ, и это даже занимало насъ обоихъ. Мнѣ эта работа давала превосходный моціонъ.

„Особенно тоже я любилъ разгребать снѣгъ. Это бывало обыкновенно послѣ бурановъ, и бывало очень нерѣдко въ зиму. Послѣ суточнаго бурана, заметало иной домъ до половины оконъ, а иной чуть не совсѣмъ заносило. Тогда какъ уже прекращался буранъ и выступало солнце, выгоняли насъ большими кучами, а иногда и всѣмъ острогомъ—отгребать сугробье снѣга отъ казенныхъ зданій. Каждому давалась лопата, всѣмъ вмѣстѣ—урокъ, иногда такой, что надо было удивляться, какъ можно съ нимъ справиться, и всѣ дружно принимались за дѣло. Рыхлый, только что слегшійся и слегка примороженный сверху снѣгъ ловко брался лопатой, огромными комками, и разбрасывался кругомъ, еще на воздухѣ обращаясь въ блестящую пыль. Лопата такъ и врѣзалась въ бѣлую, сверкающую на солнцѣ массу. Арестанты почти всегда работали эту работу весело. Свѣжій зимній воздухъ, движеніе разгорячали ихъ. Всѣ становились веселѣе; раздавался хохотъ, вскрикиванья, остроты“.

III. Третье условіе современной тюрьмы— *воспитаніе преступника.*

Это воспитаніе заключается: 1) *въ интеллектуальномъ образованіи,* хотя бы въ формѣ самой простѣйшей—въ формѣ обученія грамотѣ. Поэтому, при каждой порядочной тюрьмѣ должна быть школа. Вы видѣли помѣщеніе школы въ С.-Петербургской одиночной тюрьмѣ. 2) *Воспитаніе религіозно-нравственное.* Здѣсь я прочту страницу изъ лекцій нашего предсѣдателя Н. С. Таганцева, читанныхъ имъ студентамъ С.-Петербургскаго Университета.

„Важнымъ условіемъ тюремной дисциплины, — говоритъ онъ,— является религіозно-нравственное воспитаніе арестанта, могущественнымъ орудіемъ коего служитъ религія. Она должна свѣтомъ своихъ истинъ освѣтить внутреннюю сторону преступника, часто не слыхавшаго и азбучныхъ началъ религіозной и общественной морали; изъ-подъ загрубѣлой оболочки человѣка-звѣря она должна вызвать тотъ образъ и подобіе Бога, который не исчезаетъ въ психически здоровомъ человѣкѣ, какъ бы ни была велика глубина его нравственнаго паденія. Въ изможденную житейскими страстями, наболѣвшую душу злодѣя, религія вольетъ врачующій бальзамъ раскаянія, очищенія совѣсти и примиренія, благовѣствуя ему, что онъ хотя и заблудшій, павшій, но все же членъ того стада, коего пастырь возгласилъ: „не пріидохъ бо призвати праведника, но грѣшника на покаяніе“. Наконецъ, въ тѣ трудныя минуты нравственнаго перелома, паденія пульса жизни, которыя такъ

часто наступаютъ въ первые мѣсяцы тюремнаго одиночества, или при осужденіи къ безсрочному наказанію, религія даетъ поддержку и утѣшеніе, питая надежду и вѣру въ лучшее будущее въ той юдоли, гдѣ нѣтъ ни плача ни воздыханія.

Конечно, для достиженія этого вліянія недостаточно одного участія арестанта въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ его вѣроисповѣданія; необходима личная дѣятельность, непосредственное вліяніе духовнаго пастыря на каждаго заключеннаго, ибо только тогда церковное вліяніе выразится не въ пріученіи къ внѣшней обрядности, ханжеству и лицемѣрію, а къ измѣненію внутренняго человѣка, „къ обрѣтенію Господа въ сердцѣ своемъ“.

На эту дѣятельность должны быть направлены усилія всего тюремнаго персонала, но главнымъ образомъ она, конечно, лежитъ на тюремномъ духовенствѣ, требуя, чтобы тюремный священникъ не былъ чиновникомъ въ рясѣ, а дѣйствительнымъ пастыремъ, словомъ и дѣломъ стремящимся быть руководителемъ своей паствы.

VI. Четвертое условіе: *тюремная дисциплина, тюремная гигіена и тюремная архитектура.* Положенія, не требующія особыхъ разъясненій. *Арестантъ долженъ безусловно подчиняться* тюремнымъ правиламъ; это: 1) пріучаетъ его къ порядку и 2) безъ этого, напримѣръ, С.-Петербургская тюрьма, съ ея семью старшими и сотнею младшихъ надзирателей, не могла бы справиться съ 1000 арестантовъ; *помѣщеніе* тюрьмы должно быть безъ вреда для здоровья и приспособлено къ цѣлямъ тюрьмы; *пища* арестантовъ должна быть сытная, здоровая, но простая и не изысканная.

Таково устройство современной тюрьмы. Она должна исправлять преступника, и плоха та тюрьма, которая даетъ рецидивы.

Наша С.-Петербургская одиночная тюрьма имѣетъ свои недостатки; она даетъ рецидивъ, но тутъ, отчасти, и не ея вина. По уставу, она краткосрочная; арестантъ не долженъ сидѣть въ ней болѣе года, но, на самомъ дѣлѣ, большинство пребываетъ въ ней 3—4 мѣсяца, а есть и такіе, которые сидятъ по 2—3 недѣли. Тюрьма на 1000 чел., а въ 1903 г. она пропустила сквозь себя около 5.000 чел.; слѣдовательно, въ среднемъ, арестантъ сидѣлъ $^1/_5$ года, т. е. 2 съ небольшимъ мѣсяца. Спрашивается: что же можно сдѣлать съ преступникомъ на пути его исправленія въ столь короткое время?

II.

Исторія русской тюрьмы.

Лекціи С. С. Абрамовича-Барановскаго по правовѣдѣнію въ нѣкоторой степени ознакомили васъ съ нашими древними законодательными памятниками. Онъ говорилъ вамъ о Русской Правдѣ, Судныхъ Грамотахъ, Судебникахъ царей Іоанна III и Іоанна IV, о Соборномъ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича, о Наказѣ Екатерины II.

Посмотримъ, что говорятъ эти памятники о тюрьмѣ.

Уже въ княжеской Руси мы встрѣчаемъ *„заключеніе въ порубы“* и погреба, но не въ качествѣ наказанія, а въ качествѣ мѣры пресѣченія или за долги.

Не знаютъ тюрьмы, какъ наказанія, ни Судныя Грамоты, ни Судебникъ Іоанна III. Впервые тюрьма, какъ наказаніе, упоминается въ Судебникѣ Іоанна IV 1550 г., гдѣ тюрьма назначается или безсрочно, или пожизненно, или на срокъ, или до представленія порукъ.

Въ Уложеніи царя Алексѣя Михаиловича тюрьма уже встрѣчается, какъ самостоятельное наказаніе, болѣе, чѣмъ въ 40 случаяхъ: она или безсрочная, „до указу“, или срочная отъ 3—4 дней до 4-хъ лѣтъ. Тюрьмы были постоянныя и временныя, деревянныя и земляныя; устраивались онѣ при приказахъ, монастыряхъ и даже при частныхъ домахъ. Въ памятникахъ говорится: содержать за рѣшоткою, подъ палаткою, въ приказной избѣ, въ черной палатѣ, въ казенкѣ, подъ судною избою, въ подклѣтѣ, на тюремномъ дворѣ.

Въ грамотахъ и указахъ говорилось: „вкинуть въ тюрьму“, „сидѣть ему въ тюрьмѣ до смерти“ или „доколѣ Государь укажетъ“, а въ одной грамотѣ 1637 года сказано: „воровъ, которые переиманы до сея нашей грамоты, разослать въ городы въ тюрьмы по смерть скованныхъ и желѣза залить до смерти“.

По удостовѣренію проф. Сергѣевскаго, земляныя тюрьмы предназначались большею частью для *„раскольщиковъ и церковныхъ мятежниковъ“*, которыхъ желали не только изолировать, но и подвергнуть болѣе тяжкому режиму. Тюрьмы эти состояли изъ вырытой въ землѣ ямы съ опущеннымъ въ нее бревенчатымъ срубомъ; поверхъ земли дѣлалась кровля съ небольшимъ окномъ. Иногда земляныя тюрьмы не имѣли внутренняго сруба, и заключенный помѣщался просто въ яму.

Какъ это похоже на клоповники, которые мнѣ довелось видѣть въ Бухарѣ! Клоповники эти—вещь, въ своемъ родѣ интересная: представьте себѣ вырытую яму, глубиною аршинъ пять, въ формѣ усѣченнаго конуса, обращеннаго узкимъ концомъ вверхъ. Туда опускали арестанта и преспокойно забывали о немъ; ему предоставлялось умирать голодною смертью, если только родственники и знакомые не заботились приносить ему пищу. Названіе свое эти тюрьмы получили отъ обилія паразитовъ, буквально съѣдавшихъ арестованнаго.

Цѣль старо-русской тюрьмы была единственная—предупрежденіе побѣговъ. Арестанты сидѣли въ кандалахъ, „кайдалахъ“, оковахъ, а то—въ колодахъ; было прикованіе на цѣпь (на чепь) къ стѣнѣ (посадить на чепь и сковать въ желѣзо) или къ стулу. *Оковы* были непомѣрной тяжести. Такъ, дворянинъ Ржевскій въ 1610 году жаловался королевичу Владиславу, что закованъ въ кандалы вѣсомъ въ 5 пуд. (по дѣйствующему закону ножные кандалы не должны быть тяжелѣе 5 или $5^1/2$ фун.). *Колода*—это вдоль распиленное бревно съ вырѣзками для ногъ. Впрочемъ, колоды не одобрялись даже въ то суровое время. Сохранился

наказъ 1670 года прикащику Ирбитской слободы: *„и какъ къ тебѣ ся наша память придетъ, тебѣ бы велѣть сковать желѣза ножныя и впредь бы тебѣ кого довеется велѣть ковать въ желѣзо, а въ колоду бы тебѣ отнюдь не сажать“*.

Арестанты проводили время праздно, да въ такихъ тюрьмахъ и нельзя было завести мастерскихъ. Если и были работы, то только внѣшнія. Соборное уложеніе царя Алексѣя Михаиловича говоритъ: *„колодниковъ, изъ тюрьмы вынимая, посылать въ кайдалахъ работать на всякія издѣлія, гдѣ Государь укажетъ“*.

Правительство не заботилось ни объ одеждѣ, ни о пищѣ: арестанты продовольствовались милостынею, для сбора которой отправлялись партіями въ оковахъ; тѣснота была необычайная; всѣ сидѣли вмѣстѣ—и взрослые, и дѣти, и мужчины, и женщины. Въ тюрьмахъ царили нужда, голодъ и болѣзни. *„Помираютъ тюремные сидѣльцы*—какъ тогда говорилось,— *съ тюремной нужи, съ духу и цынги, отъ голода и тѣсноты“*. Волосъ не стригли, а ходили *„оброслыми главами и волосы распускавъ по глазомъ“*.

Такъ продолжалось до конца XVIII в. Въ указахъ 1736 и 1749 г.г. говорится, что для сбора подаяній арестанты отправляются партіями, въ оковахъ и *„необычайно съ крикомъ воючи, пытанные, окровавленные, въ раздранныхъ платьяхъ, такихъ, что едва лоскутьями прикрыты, милостыню просятъ, ходя по улицамъ города“*.

При императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, какъ видно изъ указа того времени, *„въ Полтавскомъ секвестрѣ колодниковъ одинъ отъ приключившейся ему отъ голода пухлости умре, а прочимъ колодникамъ болѣе 30, по недостатку пищи, то же слѣдовать можетъ.*

Арестанты умирали безъ исповѣди и причастія, и настоянія правительства о посѣщеніи священниками тюремъ оставались безъ послѣдствій, ибо священники требовали жалованья, а дать его было не изъ чего (указъ 1741 г.).

Вотъ нѣсколько достовѣрныхъ описаній тюремъ того времени.

1. *Житіе протопопа Аввакума.* Протопопъ Аввакумъ Петровичъ былъ настоятелемъ одного изъ московскихъ соборовъ; лично извѣстный царю Алексѣю Михаиловичу, онъ выступилъ ярымъ противникомъ патріарха Никона по исправленію церковныхъ книгъ и сдѣлался выдающимся расколоучителемъ. Послѣ него осталось „житіе, имъ самимъ написанное“. Языкъ этого житія своеобразный; въ немъ масса нецензурныхъ выраженій: отецъ протопопъ называлъ вещи ихъ прямыми именами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, языкъ этотъ до того чистъ и дѣтски наивенъ, что васъ ни мало не коробятъ его, съ виду грубыя и непристойныя выраженія; они не смущаютъ Васъ, подобно тому, какъ не смущаетъ чувство стыдливости нашей видъ невиннаго ребенка, бѣгающаго съ поднятою на головѣ рубашенкою. Осужденный за распространеніе раскола, протопопъ былъ сосланъ съ женою и дѣтьми въ Сибирь, а затѣмъ сожженъ въ Пустозерскѣ въ 1681 году. Въ пер-

вомъ судебномъ о немъ приговорѣ было сказано: „*Аввакума посадить въ землю, въ срубъ, давать ему воды и хлѣба*“.

Вотъ описаніе протопопомъ Аввакумомъ той тюрьмы, въ которой ему довелось отбывать наказаніе:

„По семъ привезли въ Братской острогъ и въ тюрьму кинули, соломки дали. И сидѣлъ до Филиппова поста въ студеной башнѣ; тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья: что собачка на соломкѣ лежу; коли накормятъ, коли́ нѣтъ; мышей много было, я ихъ скуфьею билъ,—и батожка не дадутъ дурачки; все на брюхѣ лежалъ: спина гнила, блохъ да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: „прости“; но воля божья возбранила, велѣно терпѣть...“

А вотъ какъ онъ описываетъ свое путешествіе къ мѣсту ссылки:

„Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлядишко далъ двѣ клячки, а самъ и протопопица брели пѣшіи, убивающися о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные; отстать отъ людей не смѣемъ и за лошадьми итти не поспѣемъ; голодные и томные люди; протопопица бѣдная бредетъ, бредетъ, да и повалится: скользко гораздо; въ иную пору бредучи повалилась, а иной томной же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: „матушко государыня, прости!“, а протопопица: „что ты, батько, меня задавилъ?“ Я пришелъ. На меня, бѣдная, пѣняетъ, говоря: „долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?“. И я говорю: „Марковна! до самыя смерти“. Она, вздохня, отвѣчала: „Добро, Петровичъ, ино еще побродемъ“.

„Курочка у насъ черненька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божіимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая: Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жаль мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала; сто рублевъ при ней—плюново дѣло! жалѣю! И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится, и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава Богу, вся сотворившему благая!“.

2. Того же XVII вѣка описаніе тюрьмы боярина Матвеева, сдѣланное имъ самимъ въ письмѣ къ князю Долгорукову. Бояринъ Артамонъ Матвеевъ—излюбленный другъ царя Алексѣя Михаиловича. Въ 1680 г., послѣ смерти Алексѣя Михаиловича, онъ былъ сосланъ сначала въ Пустозерскъ, а затѣмъ въ Мезень. При вступленіи на престолъ Петра I былъ возвращенъ изъ ссылки и убитъ во время стрѣлецкаго бунта 15 Мая 1682 г. Вотъ его описаніе: „*избенка дана мнѣ, другая черву, моему сынишку; ей-ей, обѣ безъ печи; а въ подклѣтишкѣ запасишко и рухлядишка, а въ другомъ сироты мои и караульщики, которые меня стерегутъ, чтобы я не побѣжалъ. Изъ тѣхъ подклѣтовъ пускаютъ тепло и отъ того пущанья пользы столько нѣтъ, сколько смраду*“.

„*Прошлую зиму*,—пишетъ онъ въ челобитной,—*рукъ и ногъ во всю зиму не согрѣли, а иные такіе дни бывали, мало, что не замерзали, а отъ угару непрестанно умирали и почали цынжать*".

3. Того же XVII в. описаніе тюрьмы, въ которой содержался и умеръ бывшій стольникъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, братъ знаменитаго Федора Никитича Романова, впослѣдствіи патріарха Филарета, сосланный въ 1601 году, при царѣ Борисѣ Годуновѣ, въ д. Ныробъ, около г. Чердыни.

Михаила Никитича привезли зимою 1601 г.; при немъ находились и вмѣстѣ съ нимъ прибыли 6 сторожей, которые немедленно принялись выкапывать для него яму. Пока они трудились, Михаила Никитича, стоявшаго возлѣ саней, завалило снѣгомъ. Дорывши землянку, посадили въ нее Михаила Никитича, оставя только малое отверстіе для свѣта, а стража размѣстилась въ ближнемъ домикѣ. Черезъ нѣсколько времени, когда морозы усилились, сдѣлали въ землянкѣ небольшую печь. Здѣсь сидѣлъ всю зиму несчастный бояринъ. Съ наступленіемъ весны, Ныробцы, узнавъ, что ему не даютъ ничего кромѣ хлѣба и воды, научили дѣтей своихъ носить къ нему въ дудочкахъ квасъ, масло, молоко. Дѣти, какъ бы играя около землянки, спускали въ нее дудочки и питали такимъ образомъ заключеннаго. Михаилъ Никитичъ просидѣлъ въ ямѣ годъ и умеръ. Бывшія на немъ желѣза до сего времени хранятся въ Чердынской церкви и удивляютъ своею тяжестью.

4. Того же XVII в. Выдержки изъ сказанія боярыни Морозовой. Извѣстная боярыня, Федосья Прокофьевна Морозова,—раскольница временъ царя Алексѣя Михайловича, увлеченная въ расколъ протопопомъ Аввакумомъ. Вмѣстѣ съ сестрою, она была сослана въ Боровскъ, Калужск. губ., и заточена въ земляной тюрьмѣ, гдѣ ее уморили голодомъ въ 1672 году. Она съ сестрою сидѣла въ глубокой темницѣ, „*во тьмѣ несосвѣтимой; страдали отъ задухи земныя*"; отъ спершагося земного пара дѣлалось имъ тошно; сорочекъ ни мѣнять, ни мыть было нельзя; въ верхней худой и рваной одеждѣ развелось много насѣкомыхъ; пищу давали имъ „*премудрости учительницу, сирѣчь зѣло мало и скудно*"; *когда сухариковъ 5—6 дадутъ, тогда воды не даютъ, а когда пить дадутъ, тогда ѣсть не спрашивай*.

5. *Записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой.* XVIII в. Наталья Борисовна, жена князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, любимца Императора Петра II, который, какъ извѣстно, рѣшилъ жениться на сестрѣ Долгорукова, Екатеринѣ. Послѣ смерти Петра II, Долгоруковъ былъ обвиненъ въ составленіи подложнаго, отъ имени Петра II, духовнаго завѣщанія, сосланъ въ Сибирь, а затѣмъ казненъ въ Новгородѣ 8 Ноября 1739 года.

Какъ видно изъ записокъ, князь Иванъ былъ сосланъ въ Березовъ, гдѣ помѣщенъ въ сырую, тѣсную землянку; пищу ему давали грубую и притомъ настолько, чтобы онъ лишь не умеръ съ голода. Наталья Борисовна вымолила у караульныхъ солдатъ дозволеніе тайно, по но-

чамъ, видѣться съ мужемъ черезъ оконце, едва пропускавшее свѣтъ, и носила ему ужинъ.

6. Вотъ описаніе сохранившейся до сихъ поръ тюремной камеры въ Соловецкомъ монастырѣ. „Это не что иное, какъ полое, пещероподобное пространство внутри крѣпостной стѣны, имѣющее неправильную яйцеобразную форму, размѣрами $3^{1}/_{2}$ арш. въ вышину и $2^{1}/_{2}$ арш. въ ширину. Простые не тесанные валуны, изъ которыхъ сложена крѣпостная стѣна, образуютъ собою стѣны тюрьмы, безъ всякаго иного пола и потолка. Маленькое, пробитое въ камняхъ, наклонное сверху внизъ, окошечко даетъ возможность видѣть клочекъ неба. Небольшая обитая желѣзомъ дверь, составляетъ входъ.

7. Вотъ что записалъ въ своемъ путевомъ журналѣ великій князь Николай Павловичъ, во время путешествія по Россіи въ 1816 году. „*Порховской* (Псковской губ.) *арестантскій острогъ въ такомъ жалкомъ положеніи, что грѣшно неупомянуть объ ономъ. Ветхая, деревянная изба, состоящая изъ трехъ низкихъ чулановъ, почти безъ оконъ и отдушинъ, въ коихъ, посреди 22-хъ чел. инвалидовъ, безсмѣнно караульныхъ, 66 арестантовъ безъ пищи, безъ одежды, въ спертомъ, гниломъ воздухѣ, безъ различія возраста и пола, на однѣхъ нарахъ; безъ суммъ на содержаніе, кромѣ отъ милостыни собираемой,—вотъ самое вѣрное и очевидное описаніе здѣшняго острога*“.

8. При посѣщеніи, около того же времени, Венингомъ, современникомъ Александра I, одной тюрьмы, оказались скованные цѣпями и содержащіеся вмѣстѣ разбойники, дѣти 11—12 лѣтъ и 72 лѣтній Тимофей Чижовъ, содержавшійся въ тюрьмѣ 22 года!

Какъ обращались тогда съ арестантами, видно изъ одного историческаго документа 1827 года, удостовѣряющаго, что въ больницѣ Московскаго губернскаго тюремнаго замка для „*утишенія крика*“ сошедшей съ ума арестантки ей вкладывали въ ротъ деревянную распорку.

Таковы были наши тюрьмы XVII, XVIII и начала XIX в.в. Но не у однихъ у насъ была тяжка участь тюремныхъ сидѣльцевъ: въ образованной Западной Европѣ ихъ положеніе, пожалуй, было еще хуже.

Вотъ описаніе тюремъ того времени въ Западной Европѣ въ лекціяхъ Н. С. Таганцева:

„Всѣ ужасы нашихъ старыхъ тюремъ блѣднѣютъ передъ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ мы застаемъ тюрьмы въ Западной Европѣ и не только въ отдаленныя эпохи XV или XVI вѣковъ, но даже и въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху послѣднихъ дней стараго порядка и первыхъ проблесковъ новой послѣреволюціонной жизни. Мы съ любопытствомъ осматриваемъ теперь во всѣхъ болѣе старыхъ городахъ Европы, въ развалинахъ замковъ феодальной эпохи, подземные каменные гробы, лишенные свѣта и воздуха, или такія же клѣтки съ раскаляющеюся свинцовою кровлею; теперь мы видимъ въ нихъ интересные историческіе памятники, но представимъ мысленно

то время, когда они были страшною дѣйствительностью, когда въ нихъ проводили годы, десятки лѣтъ, цѣлую жизнь заживо погребенные, прикованные къ стѣнѣ, или хотя и пользующіеся свободою движенія въ двухъ-трехъ саженномъ логовищѣ, но среди скученныхъ товарищей по несчастію—живыхъ, а нерѣдко и мертвыхъ, по недѣлямъ остававшихся безъ погребенія; безъ всякой одежды или въ разодранныхъ лохмотьяхъ, покрытые насѣкомыми всякаго рода, въ удушливой атмосферѣ сырости, плѣсени, невыносившихся нечистотъ, поддерживая свои силы заплѣсневшимъ хлѣбомъ да какой нибудь похлебкою, мало отличною отъ помоевъ. Тюрьма была дѣйствительно юдолью плача и страданій, заставлявшею только удивляться выносливости человѣческаго организма и силѣ привычки къ жизни.

„Читая теперь безсмертную книгу знаменитаго англійскаго филантропа Джона Говарда, лично ознакомившагося съ тюрьмами не только Англіи, но и Франціи, Испаніи, Голландіи, Германіи, Даніи, Швеціи, Россіи и Польши, мы можемъ убѣдиться, что въ подобномъ состояніи находилось большинство тюремъ всѣхъ Европейскихъ государствъ. Англія отличалась развѣ только тѣмъ, что многія изъ ея тюремъ были отданы на откупъ, съ торговъ, или даже принадлежали частнымъ лицамъ, такъ что духъ наживы, желаніе выручить затраченный капиталъ служили къ бо́льшему отягощенію участи заключенныхъ. А между тѣмъ въ Англіи, благодаря крайне обширному району примѣненія смертной казни, большинство этихъ заключенныхъ принадлежало къ несостоятельнымъ должникамъ, или къ лицамъ, обвиняемымъ въ маловажныхъ нарушеніяхъ закона. Положеніе неоплатныхъ должниковъ было нерѣдко хуже арестантовъ-преступниковъ. Арестантамъ со средствами было въ тюрьмѣ привольно: они веселились и бражничали, образуя кружки и компаніи для веселаго препровожденія времени и игры въ карты, кости и кегли. Въ устроенные внутри тюремъ кабаки допускалась и публика до поздней ночи. Зато тюрьма была настоящимъ адомъ для бѣдняковъ, которые не могли купить снисхожденія смотрителей и снискать при входѣ въ тюрьму благорасположеніе своихъ товарищей—арестантовъ посредствомъ приличнаго угощенія. Съ ними, и товарищи, и начальство, обращались какъ съ собаками: оборванные, полунагіе, голодные, покрытые вшами, они содержались въ вонючихъ и влажныхъ подвалахъ на сыромъ полу, на полусгнившей соломѣ. Рѣдкая тюрьма имѣла отхожія мѣста. Воздухъ пропитанъ былъ столь заразительными міазмами, что посѣтитель, выходя оттуда, долженъ былъ провѣтривать одежду, бумаги; даже крѣпкій уксусъ, взятый съ собою, какъ средство противузловонія, терялъ очень скоро свою силу и пріобрѣталъ нестерпимый запахъ. Въ Лондонской тюрьмѣ Флитъ хозяинъ тюрьмы, купившій себѣ должность у прежняго смотрителя за 5000 фунт. стерл., занимался разнаго рода торговлею, включая сюда и предметы продовольствія, отдачею въ наемъ комнатъ и содержаніемъ трактира. Разсчитывая на большой доходъ, онъ назначалъ на все невѣроятныя цѣны

и неумолимо требовалъ уплаты, хотя бы это стоило жизни должнику. Деньги составляли для хозяина главное и съ ними можно было у него купить все, даже позволеніе разломать стѣны тюрьмы и бѣжать. Но кто не могъ платить—осуждался на безнадежный и пожизненный плѣнъ, хотя бы имѣлъ полное право на свободу. Когда началось парламентское изслѣдованіе состоянія лондонскихъ тюремъ, то во Флитѣ нашли пятьдесятъ два человѣка, задержанныхъ незаконно въ продолженіе девяти, десяти, и одинадцати лѣтъ. Въ тюрьмѣ въ Честерѣ подъ комнатами, гдѣ днемъ жили мужчины и женщины вмѣстѣ, находился глубокій, темный, съ спертымъ воздухомъ корридоръ, а подлѣ него нѣсколько стойлъ, въ каждое изъ нихъ запирали на ночь трехъ или четырехъ человѣкъ. Въ Плимутской тюрьмѣ были комнаты, гдѣ арестанты содержались безъ воздуха и свѣта, гдѣ имъ даже нельзя было стоять прямо. Чтобы поддерживать жизнь, они прижимались по очереди къ небольшому отверстію въ двери. Тюрьмы, предоставленныя частной эксплоатаціи, ветшали, грозили паденіемъ, доставляли легкіе случаи для побѣга. Для предупрежденія послѣднихъ нерѣдко принимались мѣры самыя варварскія. Въ Кембриджскомъ графствѣ арестантовъ, напримѣръ, клали спиною на желѣзныя полосы, укрѣпленныя въ полу, приковывали цѣпью, надѣвали на шею желѣзное, съ большими иглами, кольцо, мѣшавшее наклонять голову къ землѣ, и покрывали еще другою тяжелою полосою ноги.

Вдумайтесь въ это, г-да, и вы согласитесь со мною, что наши тюремные порядки стараго времени все таки были лучше современныхъ порядковъ англійскихъ: мы бросали человѣка въ тюрьму и, ни мало о немъ не заботясь, предоставляли ему питаться Христовымъ именемъ, но зато мы не глумились надъ нимъ, не продавали его частнымъ предпринимателямъ и не ухищрялись придумывать разныхъ приспособленій для отягощенія и безъ того уже тяжелаго положенія тюремнаго сидѣльца.

Не правда ли, какъ далеко отъ всего этого та одиночная тюрьма, которую вы осматривали!

Въ началѣ XVIII в. въ наше законодательство, подъ вліяніемъ знаменитаго сочиненія англичанина Говарда, а затѣмъ подъ вліяніемъ Беккаріа, проникаютъ гуманитарныя начала, долго, впрочемъ, остававшіяся благими пожеланіями.

Беккаріа—знаменитый итальянскій публицистъ половины XVIII в. (род. въ 1738 г.), прославившійся своимъ извѣстнымъ трактатомъ „о преступленіяхъ и наказаніяхъ“, возстававшимъ противъ смертной казни и жестокихъ наказаній.

О Говардѣ скажемъ послѣ.

Въ извѣстномъ Наказѣ Екатерины II, 1767 г., предписывается снисходительное отношеніе къ арестантамъ и указывается на необхо-

димость занять тюремныхъ сидѣльцевъ работою и заботиться о ихъ исправленіи. Въ 1787 году Екатерина II собственноручно написала проектъ устава о тюрьмахъ, но проектъ этотъ осуществленъ не былъ.

Царствованіе Александра I характеризуется вліяніемъ на наше законодательство библейскаго общества и послѣдователей Говарда; учреждается Попечительное о тюрьмахъ общество.

Библейское общество образовалось въ Англіи и въ 1810 г. проникло въ Россію, сначала въ Остзейскія губ., а затѣмъ и въ Петербургъ; здѣсь оно было встрѣчено хорошо, и обществомъ, и правительствомъ. Цѣль его—распространеніе Свящ. Писанія на всѣхъ языкахъ и всѣмъ народамъ по самой дешевой цѣнѣ, а бѣднымъ и арестантамъ—безплатно. Оно существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ „Общества для распространенія книгъ Свящ. Писанія въ Россіи“ и существуетъ исключительно на членскіе взносы и пожертвованія. Съ 1863 по 1889 г.г. имъ распространено въ Россіи 1.294.000 экз. свящ. писанія, въ томъ числѣ 94.000 книгъ частью уступлены по дешевой цѣнѣ, частью розданы даромъ въ школы, богадѣльни и тюрьмы.

Въ царствованіе Николая I изданы Уставы о сод. подъ стр., гдѣ указаны разные роды мѣстъ заключенія, обязательныя работы, порядокъ содержанія, но сохранено содержаніе въ общихъ камерахъ.

Тѣмъ не менѣе, положеніе нашихъ тюремъ было печально. Въ шестидесятыхъ годахъ было назначено оффиціальное ихъ обслѣдованіе, обнаружившее сырость, гнилой воздухъ въ помѣщеніяхъ, крайнюю ветхость тюремъ, тѣсноту (21,5% дѣйствительной потребности), полнѣйшую праздность арестантовъ, полное отсутствіе какихъ либо заботъ о нравственности арестантовъ и ихъ исправленіи. Само начальство называло тюрьмы „школами порока“, „академіями преступленій“, въ которыхъ хорошему человѣку достаточно пробыть 3 дня, чтобы окончательно испортиться.

Реформа требовалась настоятельно, и въ 1879 г., съ учрежденіемъ Главнаго Тюремнаго Управленія, тюрьмы наши начинаютъ принимать надлежащій видъ, хотя далеко не вездѣ еще вы найдете ихъ соотвѣтствующими современнымъ требованіямъ.

Бюджетъ тюремнаго вѣдомства въ 1899 году былъ 14.146.000 руб., а нынѣ возросъ до 17 милл.; арестантскія работы за 1899 г. дали 1.462.000 р., изъ коихъ въ пользу арестантовъ поступило 499.221 руб., а въ доходъ казны—389.200 руб.; въ 1902 году выручка отъ арестантскихъ работъ возросла до 1.656.813 руб.

Въ 1903 г. фондъ заработный превысилъ 800.000 руб.

На послѣдней открытой съ Высочайшаго соизволенія Государыни Императрицы Александры Θеодоровны всероссійской кустарной выставкѣ работы нашихъ тюремъ были представлены въ большомъ количествѣ экземпляровъ и образовали особый тюремный отдѣлъ; экспонентамъ этого отдѣла было присуждено 17 медалей и почетныхъ отзывовъ, причемъ осмотрѣнная вами С.-Петербургская одиночная тюрьма

получила золотую медаль „за замѣчательно разнообразную постановку ручного труда и очень хорошія выставленныя работы“.

Тюрьма не оставляетъ своего сидѣльца и при разставаніи съ нимъ: она, при посредствѣ патроната, снабжаетъ его при выходѣ платьемъ, заботится о своевременной выпискѣ ему паспорта, вручаетъ ему на руки ту неприкосновенную часть его заработка, которая хранилась до его выхода, а если у него заработка не было, оказываетъ посильное денежное пособіе. О патронатѣ и его дѣятельности можно сказать многое, но приходится отказаться за недостаткомъ времени.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ объ упомянутомъ мною Говардѣ.

Джонъ Говардъ, извѣстный англійскій филантропъ, родился въ 1725 г. Умеръ въ Херсонѣ въ 1790 г., помогая больнымъ во время свирѣпствовавшей тамъ тифозной эпидеміи. Умирая онъ выразилъ желаніе, чтобы о немъ какъ можно скорѣе забыли. Похороненъ онъ, согласно его желанію, противъ тюрьмы. На скромномъ памятникѣ латинская нодпись: *кто бы ты ни былъ—знай, что ты у могилы друга.*

Говардъ объѣздилъ всю Европу и основательно ознакомился съ тюрьмами Англіи, Франціи, Испаніи, Голландіи, Швеціи, Россіи и Польши. По образному выраженію его біографа, *„онъ жилъ, какъ апостолъ, и умеръ, какъ герой“.*

Опубликованныя имъ свѣдѣнія и добросовѣстное описаніе тѣхъ ужасовъ, которые онъ нашелъ въ тюрьмахъ, возбудили общее негодованіе; остававшіеся до сего неизвѣстными и имъ оглашенные во всеобщее свѣдѣніе способы усмиренія строптивыхъ арестантовъ,—вродѣ практиковавшагося въ англійскихъ тюрьмахъ помѣщенія ихъ на 6—7 дней въ тѣсную и душную комнатку вмѣстѣ съ трупами умершихъ,—вызвали цѣлую бурю. Парламентъ назначилъ особую коммисію для изслѣдованія состоянія тюремъ въ Англіи, что закончилось основательнымъ ихъ преобразованіемъ.

Заслуга Говарда велика, но у него были въ рукахъ средства достигнуть того, что онъ желалъ; передъ нимъ безпрепятственно отворялись тюремныя двери; къ его голосу внимательно прислушивался парламентъ; къ его услугамъ была свободная пресса, громадныя денежныя средства. Нужно было только желаніе работать и достаточно энергіи, а того и другого было у него довольно и онъ съ успѣхомъ исполнилъ то, что поставилъ цѣлью своей жизни.

У насъ есть свой Говардъ; такой же энергичный, неутомимый, полный душевной теплоты и любви къ человѣчеству, всю жизнь посвятившій несчастнымъ тюремнымъ сидѣльцамъ. Онъ велъ то же дѣло, что и Говардъ, только при совершенно иныхъ условіяхъ. Къ его услугамъ не было ни прессы, ни парламента, ни денежныхъ средствъ; ему, напротивъ, приходилось бороться со всемогущей и враждебно къ

нему относившейся администраціей, а денежныя средства тратить свои, а когда они изсякли,—вымаливать ихъ въ буквальномъ смыслѣ на колѣняхъ.

Этотъ поистинѣ святой человѣкъ былъ московскій докторъ Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ.

Д. М. Левшинъ, въ недавно прочитанной вамъ лекціи по исторіи древней Греціи, говоря о Гомерѣ, упомянулъ о суетности славы и о томъ, какъ человѣчество склонно развѣнчивать и забывать своихъ героевъ. Въ особенности склонны къ этому мы, русскіе; мы очень легко забываемъ своихъ историческихъ дѣятелей, и къ числу такихъ забытыхъ принадлежитъ Гаазъ. Честь его воскрешенія въ памяти народной принадлежитъ А. Ѳ. Кони, собравшему большой о жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка матеріалъ, прочитавшій о немъ рядъ публичныхъ лекцій и издавшій особую о немъ книгу. Одну изъ своихъ лекцій А. Ѳ. прочелъ и въ Маякѣ; по крайней мѣрѣ, въ отчетѣ за 1901—1902 г.г., въ главѣ прочитанныхъ лекцій, я нашелъ лекцію А. Ѳ. Кони *„О святомъ докторѣ Гаазѣ“*.

Будучи въ 1830—1835 г.г. врачемъ московскихъ тюремъ, Гаазъ, обладавшій въ то время хорошими денежными средствами, добытыми практикою, имѣвшій въ Москвѣ собственный домъ, а подъ Москвою—недурное имѣніе съ суконною фабрикою, дѣятельно принялся за облегченіе участи арестантовъ, какъ во время содержанія ихъ въ тюрьмѣ, такъ и во время слѣдованія ихъ въ ссылку въ Сибирь. Хлопоталъ онъ повсюду и всѣми возможными средствами. Его девизъ былъ: *торопись дѣлать добро*!

Путемъ долгой, неустанной и неблагодарной борьбы, онъ добился отмѣны прикованія ссыльныхъ во время пути къ желѣзному пруту; добился обшивки кандаловъ и наручней кожею; добился облегченія вѣсомъ кандаловъ до 3 фунт.; добился улучшенія пищи, содержанія и одежды арестантовъ. Но чего это ему стоило! Помимо прозванія *„затѣйливый докторъ“ „утрированный филантропъ“*, помимо постоянныхъ указаній *„не мѣшаться не въ свое дѣло“*, начальство, которому онъ стоялъ поперекъ дороги, вошло наконецъ съ представленіемъ *„убрать этого опаснаго человѣка, ибо онъ не только безполезенъ, но даже вреденъ, возбуждая своею неумѣстною филантропіею развращенныхъ арестантовъ къ ропоту“*.

Взятый Гаазомъ съ бою прутъ былъ ужасное дѣло. На толстый, въ аршинъ или два длиною, желѣзный прутъ надѣвалось 8—10 наручней на короткихъ цѣпяхъ; прутъ запирался замкомъ, а въ наручни вкладывались руки арестантовъ. Ключъ отъ замка клался въ кожаную сумку, висѣвшую на груди конвойнаго унтеръ-офицера; сумка обвязывалась тесьмою и опечатывалась начальникомъ этапа; слѣдовательно, и вскрыта могла быть только на слѣдующемъ этапѣ. Этапъ, т. е. мѣсто отдыха ссыльныхъ, отстоялъ отъ этапа на 25 верстъ; въ срединѣ пути устраивался полуэтапъ—небольшое зданіе для короткой передышки.

Люди разнаго рода, по порядку №, нанизывались на прутъ; шли они сотни верстъ, наступая другъ на друга; наручни лѣтомъ накалялись, зимою—морозили руки; дорогою съ прута спустить было нельзя, нелзя было спустить и на полуэтапѣ. Естественная нужда должна была отправлятся при всѣхъ и изъ-за одного должны были останавливаься всѣ. Если дорогою одинъ умиралъ, его приходилось волочить до слѣдующаго этапа, такъ какъ отпереть прутъ можно было только тамъ.

Тяжелый былъ это путь, самъ по себѣ стоившій каторги; съ отмѣною прута и замѣною его цѣпью, съ облегченіемъ вѣса кандаловъ людямъ стало легче; съ годами изчезла и цѣпь, остались одни кандалы, побрякивая которыми шли длинныя партіи арестантовъ по столь же длинной „Владимiркѣ"—болшойн дорогѣ, окаймленной березами. Тянулись эти партіи пѣшкомъ съ этапа на этапъ, гдѣ въ грязныхъ, смрадныхъ, часто нетопленыхъ помѣщеніяхъ получали мало пригодную пищу и едва ли не столь же мало пригодный отдыхъ˙ Недаромъ, тяжелыя путевыя муки вылились въ нехитрыхъ словахъ „Милосердной", — той, хорошо въ свое время извѣстной арестантской пѣсни, съ которою партіи ссыльныхъ проходили городами и селеніями. Не щеголяетъ эта пѣсня рифмою, не можетъ похвалиться и размѣромъ стиха, зато въ ней вылилась измученная душа ссыльнаго, въ ней слышны слезы, слышно отчаяніе. Вотъ слова этой пѣсни:

Милосердные наши батюшки,
Не забудьте насъ, невольниковъ,
Заключенныхъ,—Христа-ради!
Пропитайте-ка, наши батюшки,
Пропитайте насъ, бѣдныхъ заключенныхъ!
Сожалѣйтеся, наши батюшки,
Сожалѣйтеся, наши матушки,
Заключеннымъ, Христа-ради!
Мы сидимъ во неволюшкѣ—
Во неволюшкѣ: въ тюрьмахъ каменныхъ,
За рѣшетками—за желѣзными,
За дверями—за дубовыми,
За замками—за висячими,
Распростились мы съ отцемъ, съ матерью,
Со всѣмъ родомъ своимъ—племенемъ.
Должны вѣчно Бога молить,
Что не забываете вы насъ,
Бѣдныхъ-несчастныхъ невольниковъ!

Все это—остатки старины и ничего подобнаго теперь нѣтъ. Въ послѣднее время слѣдовали въ ссылку на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, а по сухому пути на почтовыхъ тройкахъ, и только въ небольшихъ, отдаленныхъ углахъ Сибири остался пѣшій этапный путь.

Наконецъ, закономъ 10 Іюня 1900 года самая ссылка въ Сибирь отмѣнена.

Но во время Гааза все это было, а до чего доходилъ формализмъ тогдашнихъ властей, видно изъ того, что обнаруженъ такой случай: въ

ссылку слѣдовалъ безногій, ходившій на клюшкахъ; заковать его въ кандалы было нельзя по той простой причинѣ, что не на что было надѣть ихъ, но онъ, всетаки, получилъ кандалы, которыя и долженъ былъ нести на спинѣ, въ мѣшкѣ.

Гаазъ не унывалъ, не падалъ духомъ; гдѣ нужно было, онъ требовалъ и шумѣлъ, гдѣ нужно—кланялся и просилъ. Пожертвованіями „*отъ неизвѣстнаго*" или „*отъ одного благотворительнаго лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ*", онъ разстроилъ свое состояніе, такъ что не на что было его похоронить.

Что онъ вынесъ и выстрадалъ во время этой борьбы—понятно, если и подумать, что бороться ему приходилось со всесильнымъ московскимъ ген.-губернаторомъ Закревскимъ и всемогущимъ московскимъ митрополитомъ Филаретомъ.

Вотъ нѣсколько характерныхъ эпизодовъ изъ жизни Гааза. Я прочту ихъ по лекціи А. Ѳ. Кони:

„Къ одной изъ Московскихъ тюремъ подъѣзжала утромъ, въ понедѣльникъ, извѣстная всей Москвѣ пролетка Ѳедора Петровича и выгружала его самого и корзины съ припасами, собранными имъ за недѣлю для пересыльныхъ. Онъ обходилъ ихъ, освѣдомлялся, получили ли они по второй рубашкѣ, выхлопотанной имъ у комитета въ 1839 году, ободрялъ ихъ снова,—къ нѣкоторымъ, въ которыхъ успѣлъ подмѣтить „душу живу", обращался со словами: „поцѣлуй меня, голубчикъ", и долго провожалъ глазами тронувшуюся партію, медленно двигавшуюся, звеня цѣпями, по Владимірской дорогѣ... Иногда встрѣчные съ партіею москвичи, торопливо вынимая подаяніе, замѣчали, что вмѣстѣ съ партіею шелъ,—нерѣдко много верстъ,—старикъ во фракѣ, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, въ старыхъ башмакахъ съ пряжками и въ чулкахъ, а если это было зимою, то въ порыжѣлыхъ высокихъ сапогахъ и въ старой волчьей шубѣ. Но москвичей не удивляла такая встрѣча. Они знали, что это „Ѳедоръ Петровичъ", что это „святой докторъ" и „Божій человѣкъ", какъ привыкъ его звать народъ. Они догадывались, что ему вѣрно нужно еще продлить свою бесѣду съ ссыльными и, быть можетъ, какое-нибудь свое пререканіе съ ихъ начальствомъ. Они знали, что нужды этихъ людей и предстоящія имъ на долгомъ пути трудности не были ему чужды ни въ какомъ отношеніи. Недаромъ же въ Москвѣ разсказывали, что однажды, въ 1830 году, губернаторъ Сенявинъ, пріѣхавъ къ нему по дѣлу, засталъ его непрерывно ходящимъ, подъ акомпаниментъ какого-то лязга и звона, взадъ и впередъ по комнатѣ, что-то про себя сосредоточенно считая, съ крайне утомленнымъ видомъ. Оказалось, что онъ велѣлъ заковать себя въ свои „облегченные кандалы" и прошелъ въ нихъ по комнатѣ разстояніе, равное первому этапному переходу до Богородска, чтобы знать, каково *имъ* идти въ такихъ кандалахъ..."

Вотъ второй, не менѣе характерный отрывокъ:

„Филарету наскучили постоянныя и, быть можетъ, не всегда строго

провѣренныя, но вполнѣ понятныя ходатайства Гааза о предстательствѣ комитета за „невинно осужденныхъ“ арестантовъ. „Вы все говорите, Θедоръ Петровичъ,—сказалъ Филаретъ,—о невинно осужденныхъ... Такихъ нѣтъ. Если человѣкъ подвергнутъ карѣ—значитъ, есть за нимъ вина“... Вспыльчивый и сангвиническій Гаазъ вскочилъ съ своего мѣста. „Да вы о Христѣ позабыли, владыко!“—вскричалъ онъ, указывая тѣмъ и на черствость подобнаго заявленія въ устахъ архипастыря, и на евангельское событіе—осужденіе невиннаго. Всѣ смутились и замерли на мѣстѣ: такихъ вещей Филарету, стоявшему въ исключительно вліятельномъ положеніи, никогда еще и никто не дерзалъ говорить. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубинѣ Гааза. Онъ поникъ головой и замолчалъ, а затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ томительной тишины, всталъ и сказалъ: „Нѣтъ Θедоръ Петровичъ! Когда я произнесъ мои поспѣшныя слова, не я о Христѣ позабылъ,—Христосъ меня позабылъ!“—благословилъ всѣхъ и вышелъ...

„Къ какимъ средствамъ прибѣгалъ Гаазъ въ рѣшительныхъ случаяхъ, видно изъ разсказа И. А. Арсеньева, подтверждаемаго и другими лицами, о посѣщеніи императоромъ Николаемъ московскаго тюремнаго замка, при чемъ государю былъ указапъ „доброжелателями“ Гааза старикъ 70 лѣтъ, приговоренный къ ссылкѣ въ Сибирь и задерживаемый имъ въ теченіе долгаго срока въ Москвѣ по дряхлости (повидимому, это былъ мѣщанинъ Денисъ Королевъ, который былъ признанъ губернскимъ правленіемъ „худымъ и слабымъ, но къ отправкѣ способнымъ“). „Что это значитъ?“—спросилъ государь Гааза, котораго зналъ лично. Вмѣсто отвѣта Θедоръ Петровичъ сталъ на колѣни. Думая, что онъ проситъ такимъ своеобразнымъ способомъ прощенія за допущенное имъ послабленіе арестанту, государь сказалъ ему: „полно,—я не сержусь, что это ты,—встань!“—„Не встану!“—рѣшительно отвѣтилъ Гаазъ. „Да я не сержусь, говорю тебѣ... чего же тебѣ надо?“—„Государь, помилуйте старика, ему осталось немного жить, онъ дряхлъ и безсиленъ, ему очень тяжко будетъ идти въ Сибирь. Помилуйте его!—я не встану, пока вы его не помилуете“... Государь задумался... „На твоей совѣсти, Θедоръ Петровичъ“,—сказалъ онъ наконецъ, и изрекъ прощеніе. Тогда, счастливый и взволнованный, Гаазъ всталъ съ колѣнъ...“

Я закончу свою бесѣду съ Вами слѣдующею чудною страницею изъ той же лекціи А. Θ. Кони.

„Многіе, конечно, знаютъ, говоритъ онъ, трогательную католическую легенду о св. Юліанѣ Милостивомъ, мастерски разсказанную Флоберомъ и переведенную на русскій языкъ И. С. Тургеневымъ. Она оканчивается разсказомъ о томъ, какъ Юліанъ приводитъ въ свой лѣсной шалашъ невѣдомаго ему путника, покрытаго отвратительною проказою. Худыя плечи, грудь и руки путника исчезаютъ подъ чешуйками гноевыхъ прыщей, и изъ зіяющаго, какъ у скелета, носа и синеватыхъ губъ его отдѣляется зловонное и густое, какъ туманъ, дыханіе. Юліанъ утоляетъ его голодъ и жажду, послѣ чего столъ, ковшъ и ручка ножа покры-

ваются подозрительными пятнами, — старается согрѣть его у костра. Но прокаженный угасающимъ голосомъ шепчетъ: „на твою постель!“ и требуетъ затѣмъ, чтобы Юліанъ легъ возлѣ него, а потомъ—чтобы онъ раздѣлся и грѣлъ его теплотою своего тѣла. Юліанъ исполняетъ все. Прокаженный задыхается; „я умираю!—восклицаетъ онъ,—обними меня, отогрѣй всѣмъ существомъ твоимъ!“ Юліанъ обнимаетъ его, цѣлуетъ въ смердящія уста... „Тогда,—повѣствуетъ Флоберъ,—прокаженный сжалъ Юліана въ своихъ объятіяхъ—и глаза его вдругъ засвѣтились яркимъ свѣтомъ звѣзды, волосы растянулись какъ солнечные лучи, дыханіе его стало свѣжѣй и сладостнѣй благовонія розы; изъ очага поднялось облачко ладона и волны близкой рѣки запѣли дивную пѣснь. Неизъяснимый восторгъ, нечеловѣческая радость затопили душу обомлѣвшаго Юліана, а тотъ, кто все еще держалъ его въ объятіяхъ, выросталъ, выросталъ... Крыша взвилась, звѣздный сводъ раскинулся кругомъ, и Юліанъ поднялся въ лазурь лицомъ къ лицу съ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, уносившимъ его на небо“...

„Это—легенда, это—трогательный поэтическій вымыселъ на религіозной подкладкѣ. А вотъ дѣйствительность... Директоръ госпитальной клиники московскаго университета, профессоръ Новацкій. пишетъ намъ 19 Іюня 1891 года, о Ѳ. П. Гаазѣ: Я принадлежу Москвѣ съ 1848 года. Во время моего студенчества я не имѣлъ чести не только знать, но и видѣть Ѳедора Петровича, а годъ моего поступленія на службу въ одну изъ клиникъ московскаго университета—1853—былъ, кажется, годомъ, его смерти. Правда, въ это короткое время мнѣ, какъ дежурному по клиникѣ ассистенту, пришлось принять одинъ разъ въ Екатерининской больницѣ, гдѣ клиника находилась, Ѳедора Петровича и представить ему поступившую туда чрезвычайно интересную больную—крестьянскую дѣвочку. Одиннадцатилѣтняя мученица эта поражена была на лицѣ рѣдкимъ и жестокимъ болѣзненнымъ процессомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *водяного рака* (Noma), который въ теченіе 4—5 дней уничтожилъ цѣлую половину ея лица, вмѣстѣ со скелетомъ носа и однимъ глазомъ. Кромѣ быстроты теченія и жестокости испытываемыхъ дѣвочкою болей, случай этотъ отличался еще тѣмъ, что разрушенныя омертвѣніемъ ткани, разлагаясь, распространяли такое зловоніе, подобнаго которому я не обонялъ затѣмъ въ теченіе моей почти 40-лѣтней врачебной дѣятельности. Ни врачи, ни фельдшера, ни прислуга, ни даже находившаяся при больной дѣвочкѣ *и нѣжно любившая ее мать*, не могли долго оставаться не только у постели, но даже въ комнатѣ, гдѣ лежала несчастная страдалица. Одинъ Ѳедоръ Петровичъ, приведенный мною къ больной дѣвочкѣ, пробылъ при ней болѣе трехъ часовъ сряду и притомъ сидя на ея кровати, обнимая ее, цѣлуя и благословляя. Такія посѣщенія повторялись и въ слѣдующіе два дня, а въ третій—дѣвочка скончалась.

Таковъ, г-да, былъ нашъ русскій Говардъ, нашъ „утрированный филантропъ“, святой докторъ Ѳ. П. Гаазъ!...

— ———

